

Антон ШУРИН

г. Северодвинск,
Архангельская область

ТЕМНЕЕТ РАНО

рассказ

1

Скачков сидел за письменным столом и сочинял отчёт. Сдать документацию на подпись начальнику он должен был ещё два дня назад. Перечитав последнее предложение, старлей поморщился и, скомкав лист, отбросил в сторону. Взгляд потянулся за окно, зацепился за жилки колючей проволоки. Вот! Строчки в его отчёте выходили такие же неровные и колючие.

Скачкову вспомнился сон, который вымучил его под утро.

Ему снилась лечебница где-то в осенних горах, обнесённая высоким забором. Выбитые стёкла, облупившаяся краска на стенах, пожелтевшая потолочная плитка, узор на ней похож на копошащихся в молоке опарышей, и несколько десятков людей, поражённых неизвестной болезнью. Он, Скачков, в белом халате ходит меж рядами больничных кроватей, на которых лежат разлагающиеся люди. С них слоями слезает кожа, плоть отстаёт от костей и выглядит как вяленая рыба. Через распахнутые окна в палату ветер закидывает листья, они кружатся, опускаясь на больных. Люди почти не разговаривают, кто-то стонет, кто-то тихо бредит. Запах гниющей плоти не даёт дышать, его мутит, он быстрым шагом пересекает палату и распахивает дверь запасного выхода. Чистый горный воздух, свинцовое осеннее небо... Он прислушивается — кажется, до его слуха доносится шум прибоя, похожий на артиллерийскую канонаду. Откуда здесь-то? К нему на креселкаталке подъезжает один из больных — сморщенный человечек с голым черепом, весь покрытый гноящимися язвами.

— Здесь рано темнеет, — тихим голосом говорит он, как будто не обращаясь ни к кому.

Скачков молчит.

— У меня отняли обе ноги, — продолжает больной, у него выцветшие глаза. — Ты же начальник, сделай что-нибудь.

— Я не врач, — разводит руками Скачков.

— Тогда улетай, — всхлипывает больной.

Он скребёт язву на щеке. Под ногтями остаётся кожа, которую он принимается вычищать, потеряв интерес к собеседнику.

Скачков расправляет крылья и взлетает.

— Во, — доносится до него чей-то голос, — сапсан полетел.

— Прощайте! — кричит он, но не слышит собственного голоса.

Его крик заглушает нарастающий низкий гул. С треском падает дерево, вырванное с корнем. Гарь. В нос ударяет вонь взрывчатки, всё вокруг застилает дым. Скачков со всего маха налетает на витки колючей проволоки. Грудь пронзает холод, Скачков падает, крылья ломко обвисают. Оглушённый, он слепо шарит по земле. Под ладонями — россыпь ещё горячих стреляных гильз...

Лопатки свело дрожью, старлей поёжился, положил ручку и сунул правую ладонь под мышку. В кабинете было очень холодно. Он подошёл к окну, посмотрел наружу сквозь облещенное стекло и в который раз пожалел, что своевременно не дал команду дневальному утеплить раму. Из окна были видны часть изолированного участка и бараки соседних отрядов, здание дежурной части и лес за пределами колонии строгого режима, в которой он служил.

Скачков вернулся к столу, который располагался прямо напротив входной двери. Буквой «т» к нему был приставлен ещё один, за которым осуждённые писали объяснительные, заявления на условно-досрочное освобождение, на краткосрочное или длительное свидание с родственниками, на выдачу вещей, на... В общем, заявления осуждённые писать любили и делали это часто, отрывая начальника отряда от его работы, вынуждая бегать с этими заявлениями к руководству.

«Плыл по городу запах сирени-и-и...» — пело за дверью радио. Периодически песни прерывались и по коридору разносился грубый голос: «Внимание, колония! Осуждённому такому-сякому прибыть в дежурную часть!» или: «Внимание, колония! Начсоставу прибыть в столовую для проведения обеда жилой зоны!»

— Ничего не успеваю, — пробормотал Скачков, покосившись на пачку необработанных документов. Но... Нарочито медленно достал

сигарету, в задумчивости поднёс её к носу и вдохнул запах табака. Ему вспомнилось, как утром, проснувшись в поту, ничего не соображая, он бродил по комнате, переживая приснившийся кошмар, потом оделся, зажёл сигарету и стал тупо разглядывать складки на своих помятых брюках.

Старлей сел за стол. От воспоминаний во рту скопилась горечь. Курить расхотелось.

— Дневальный! — крикнул он.

В кабинет завалился невысокий худой экз, одетый в чёрную хэбэшку. «Иванов С. Б. Отряд № 7» — было написано на бирке, пришитой на правой стороне груди.

— Меня зовут Сергей Борисович Иванов, меня пол-Европы знает. Все в курсе?

Вид лица Серёги Иванова, угрюмого, изобродённого глубокими морщинами, не соответствовал его забойной блатной речи и жиганским манерам. Он стоял на ставке дневального отряда, что подразумевало посильную помощь в организации работы с осуждёнными. Иванов отвечал за своевременный подъём экзов, выход на утреннюю зарядку, сопровождал рабочие бригады к месту развода на работу, давал указания уборщикам, наводящим чистоту в помещениях отряда... За работу он получал небольшое денежное вознаграждение плюс возможность получать дополнительные передачи, краткосрочные и длительные свидания с родственниками.

— Сергей, сделай кофе и возвращайся. Будем документы подбивать, — дал указание начальник отряда, оставив без внимания выходку дневального.

— Начинается, — скривился Иванов и с ходу поменял тон: — Но для вас, Владимир Николаевич, хоть мордой в грязь!

— Уймись, — осёк его Скачков. — Ставь чайник. Я совсем замёрз тут...

— Мёрзнешь, родной человек? А я тебе говорю, Николаич, давай окно утеплим. А ты мне чё? «Потом, потом», — дневальный подошёл ближе. — Ты плохо спал, что ли, Николаич? — шурясь, спросил он. — Я вот сегодня ужасно спал. Полнолуние...

— Серёга, кончай базлать. Не то настроение, — оборвал его Скачков.

Дневальный хмыкнул и пошёл к двери.

— Хоть бы котлет домашних принёс, гражданин начальник. Совсем я без мяса отошал. — Он обернулся, внимательно посмотрел пронзительными карими глазами на начальника отряда, усмехнулся и вышел.

— Ухо! — послышался крик из коридора. — Сделай кофе для начальника отряда!

Скачков проводил взглядом скрывающуюся за дверью спину: а ведь и впрямь тощей. Он подошёл к висящему на стене маленькому зеркалу и оглядел своё отражение. А сам-то лучше? Светлые короткие волосы, высокий лоб, нос с горбинкой, усталые серые глаза, широкие скулы. Всё же свежее. Оскалив отражению зубы, Скачков вернулся к столу, нехотя взял ручку и продолжил писать. Домой бы сейчас пойти, выспаться... Странно, что об одной и той же вещи утром мы думаем одно, а вечером — другое. Утром я ненавижу эту форму, эту работу. Зато, когда я выхожу за забор, мне нравится чувствовать на себе погоны. Где правда?

— Контрик в локалке! — заорал стоящий «на атасе» зэк. Это означало, что в барак пожаловал отдел безопасности. Скачков надел ушанку, бушлат, застегнулся и вышел в коридор отряда.

— Внимание, отряд! — крикнул сидевший около его двери зэк. Все осуждённые разом обернулись.

— Вольно, граждане, — пробурчал старлей. — Ты чего орёшь?

— Вы тут ходите, движуху тормозите, — заулыбался «атасник». Во рту блеснули золотые коронки передних зубов. — Присматриваем за вами.

— Ладно. В локальный участок кто зашёл?

— Оперативный дежурный.

— А-а-а, Саныч, — разочарованно протянул Скачков и вернулся в кабинет.

Оперативный дежурный делал формальный обход по отрядам, чтобы расписаться в журнале посещений. Никакого дела до начальника отряда ему не было.

В кабинет вернулся дневальный, неся в руках кружку кофе. По кабинету распространился терпкий аромат. Зэк Иванов пил только дорогой, хороший кофе, который ему присылали с воли.

— Где салфетка, которую я оставлял?

Начальник отряда, оглядев стол, развёл руками.

— Ну и для кого я салфетки ношу, чтобы он на столе пятна не оставлял? — Иванов взял первый попавшийся листок и поставил на него кружку.

— Э-э-э! — Скачков торопливо переставил кружку. — Это же заявление. Ортман просит свидание.

— Ну и хорошо. Ты лучше порви его, — посоветовал Иванов. — Ортман слабак. Но при этом он никого не уважает, даже своего отца. Он подбивает мужиков на тебя жалобы писать. Давай его в банку закроем.

— Рано, — отозвался начальник отряда. — В ШИЗО заехать он всегда успеет. Пусть пока плавает, а мы понаблюдаем.

Старлей сел за стол, отпил обжигающе горячий крепкий кофе, держа кружку в ладонях, и глубоко вздохнул. Ему хотелось оказаться дома, скинуть берцы, походить по ковру босиком, поваляться с книжкой на диване.

И чтобы дома было светло. Он уже забыл, когда был дома днём, — уходил на службу рано утром и возвращался почти ночью.

— По дому загрустил, отец? — поинтересовался дневальный.

— С чего ты взял? — Скачков пожал плечами.

— Я такие вещи сразу подмечаю. Восьмой год сижу, — пояснил Иванов. — Эх, начальник, нашёл ты себе работу...

Отзываться на сочувствие старлею не хотелось. Он повёл рукой:

— Присаживайся давай, поработаем.

Дневальный, вздохнув, присел спиной к окну. Мысли Скачкова тянулись к дому, он медлил, сделал ещё несколько глотков из кружки, всё не решаясь отставить её.

— Ну, чего сидим вздыхаем, Николаич? — заторопился дневальный. — Давай работу мне, а то я пошёл тогда. Мне по отряду двигаться надо.

Скачков протянул ему пачку листов.

— Вот тебе список отряда и таблица. Видишь названия граф? Там я карандашом статьи пометил. Считаешь, сколько у нас человек сидит по каким статьям, и вписываешь цифру в пустую клетку. Всё понятно?

— Всё понятно, — эхом отозвался зэк Иванов. За дверью началось оживление.

— Отрядник тут? — спросил кто-то.

— Тут, — ответили ему.

— Сейчас я ему всё выдохну! Беспредельщики!

Дверь распахнулась.

— Николаич! — В кабинет ворвался всклокоченный осуждённый, очевидно, только забежавший с улицы. Его морщинистое вытянутое лицо покраснело от мороза, очки запотели, и он смотрел на старлея поверх них. — Что за дела, Николаич! Что за беспредел! Я в прокуратуру писать буду! — он кричал, отчаянно жестикулируя. — Я вообще...

— Алексей, во-первых, я не разрешал тебе войти, а ты уже вошёл, — не поднимая головы, оборвал его начальник отряда. — Во-вторых, сними головной убор, в-третьих, надо представиться как положено. Да? В-четвертых...

— Да пошли вы все! — срывающимся голосом крикнул зэк и выскочил из кабинета. Скачков как ни в чём не бывало продолжал писать.

— Совсем сидельцы охренели, — не отрываясь от работы, резюмировал Иванов.

— Он по жизни кто? — поинтересовался Скачков.

— Мужик, — ухмыльнулся дневальный. — Пока что.

— Узнай, чего он хотел. Может, действительно проблема.

— Николаич, он провокатор. Не грузись. Смотри, сейчас он успокоится и извиняться придёт, бля буду. Хорошо ты его срезал. «Во-первых, во-вторых...»

Скачков глянул на дневального и достал из стола половинку листа.

— Начальнику ФКУ ИК ... — начал он сам себе диктовать. — Рапорт. Докладываю, что сего числа осуждённый...

В кабинет постучали.

— Да-да, — крикнул Скачков.

В кабинет зашёл «мужик» Алексей.

— Осуждённый Федотов А.П., отряд номер семь. Гражданин начальник, разрешите обратиться, — отчеканил он.

— Когда я наконец делом займусь! — вздохнул старлей, бросил ручку и поднял глаза на Федотова. — Алексей! Можешь ведь, когда захочешь. А я вот на тебя рапорт пишу, — Скачков ткнул пальцем в начатый рапорт. — Сам себе. Сейчас зарегистрирую, документы сос-

тавлю и на дисциплинарную комиссию пойду. Обнаглел ты, Алексей.

— Извини, Николаич. Криво въехал, признаю. Ходил в ларёк. Денег нет на карточке. А как же их нет, если мне жена перевод неделю назад отправила! Меня уже клинит от этой вашей бухгалтерии!

— Разберёмся, Федотов, — Скачков сделал себе пометку в блокноте. — Иди в отряд.

— Ты извини, Николаич, не хотел я пылить! Клинит, представляешь!

— Иди в отряд, тебе говорят! — приказал начальник.

— Вали отсюда, мышь! Сейчас по печени поучишь! — заорал дневальный. — Вишь, работаем!

Зэк Федотов, пятясь, улетучился.

— Вот видишь, Николаич, уважают тебя зэки. Извиняются, когда не правы, — усмеялся дневальный. — Кстати, я закончил. На вот, проверь.

— Молодец, Сергей! Пружина!

— Меня ж зэки не отвлекают через каждые две минуты, — отмахнулся Иванов.

Начальник отряда пробежался глазами по цифрам. На первый взгляд всё примерно сходится. Всё равно никто сверять данные не будет. С таким движением осуждённых по отрядам цифры всё равно ни у кого не совпадают.

— Ну что? Всё ровно?

— Да. Заметил, сколько у нас из-за порожняка сидит? Украл телефон, отнял сумку, набил рожу. За банку кофе сесть! И таких половина отряда. Ну что вы за народ!

— Зря ты так, Владимир Николаевич, — Иванов отложил бумаги и посмотрел на начальника отряда. — Зэк зэку рознь. Счастливы те, кто не сомневается. Любящий муж, ребёнок, блаженный какой-нибудь... А в зону попадают сомневающиеся. Потому и пьют на свободе, потому и воруют, потому и грабят, что сомневаются. Ищут что-то, без чего жить нет никакой возможности.

— Ну-ну, — отозвался начальник отряда. — Всю жизнь по тюрмам да по лагерям. Это вот поиск?

— Знаешь, в мире много хороших людей, которые совершают плохие поступки, а мы уголовники, какой с нас спрос, — ответил дневальный и, помолчав, добавил: — Тот, кто не убивает себя, должен молчать о жизни.

«Откуда он это берёт? Неужели сам придумывает?» — озадачился Скачков.

Зазвонил телефон. Начальник отряда поднял трубку, представился. Оператор поста видеонаблюдения попросил подойти в дежурную часть. Выходить на мороз не хотелось. Занят. А если на него настучат начальнику, он что-нибудь соврёт. Здесь так принято. Врёшь, а тебе верят. Это удобно. Так удобнее всем, потому что так проще.

Старлей захлопнул рабочий блокнот, собрал на краю стола бумаги и встал из-за стола.

— Ты куда? — озаботился дневальный.

— Курить хочу, — отозвался начальник отряда. — Зайди к Окуневу, скажи, пусть чайник ставит, а то я у него ещё с утра не был.

2

Скачков вышел из кабинета и прошёлся по отряду. Осмотрел подсобные помещения, пожелал приятного аппетита тем зэкам, которые гоняли чай в комнате для приёма пищи, проверил работу кабельного телевидения в помещении для воспитательной работы. Всё было в порядке, если бы не случайность... В сушилке для верхней одежды он поймал жулика, который разговаривал по мобильнику. Старлей отнял запрещённый предмет, сунул его в карман и велел осуждённому зайти к нему на беседу.

Завершив обход, Скачков зашёл в каптёрку, где располагался старший дневальный, «смотрящий на отряде». Он отвечал за дисциплину в отряде, за ремонт помещений, считался неоспоримым лидером и авторитетом среди зэков седьмого отряда. Окунев сидел за столом и мешал ложкой кофе, приготовленный для начальника отряда. Он встал, уступая место старлею, и поприветствовал его кивком головы.

— Здорово, Николаич.

— Привет. Дай пепельницу. Рассказывай, какие движения, какие новости, информашка оперативная какая есть? Что за ночь произошло, пока меня не было?

Обычно с самого утра Скачков первым делом заходил в каптёрку и разговаривал со старшим дневальным или завхозом, как его ещё называли неофициально сотрудники. Окунев рассказывал, что произошло в отряде

и в локальном участке барака за время отсутствия начальника отряда. Сегодня отчёты напрочь выбили из графика.

Окунев поставил на стол пепельницу, закрыл дверь на ключ и присел по другую сторону стола.

— Замполит вызывал вчера. За ремонт спрашивал.

— И как?

— Давайте быстрее, говорит. А где я денег возьму? Позвоню домой, скажу: мама, продавай квартиру, пацанам надо новые сортиры ставить, — завхоз глубоко затянулся и потушил сигарету.

Зэк Окунев был на голову ниже Скаčkова, но шире в плечах. Под серым свитером перекатывались мощные мышцы. Весь он походил на молодого, очень сильного зверя. Его глубоко посаженные голубые глаза, даже когда он смеялся, глядели жёстко. Даже голос Окунева был похож на рык. Он отсидел восемь лет за разбой. Ему осталось каких-то девять месяцев, и последнее время он заметно нервничал. Дмитрий, как и все, хотел домой. В Питере его ждала старенькая мама.

— Дим, я не помешаю? Начальник, день добрый, — в каптёрку зашёл один из приближённых к завхозу людей. Это был воистину амбал. Он повернулся боком, чтобы пройти в дверной проём. Помещение заметно уменьшилось, настолько много места занимал зэк. Игорь Акимов почти два метра ростом, и весу в нём килограммов сто тридцать. У него коротко остриженные тёмные волосы, голубые глаза навывкате, огромные кулаки и низкий, всегда хриплый голос.

Игорь «двигается» по отряду, поддерживает дисциплину, если необходимо, даёт денег на ремонт, поэтому Скачков разрешает ему некоторые вольности: подольше поспать, посмотреть телевизор после отбоя, покурить в каптёрке.

Осуждённые в колонии дезорганизованы. Каждый второй зэк бегаёт к операм и делится информацией: где прячут телефоны, кто напился, кто принял «пронос» или «переброс» и так далее. Здесь много врагов и нет друзей. Люди запуганы, озлоблены, здесь каждый сам за себя, и потому разрозненной массой управлять нетрудно, как, впрочем, и на воле.

— Николаич, ты спишь с открытыми глазами,

что ли? — Игорь присаживается на свободное место у стола. Табурет трещит под его весом.

— Встань! Сломаешь табурет! Я тебе говорил — не садись на него, — Окунев уступил своё место на устойчивом стуле, а сам пересел на табурет. — Такие все тупые! — Он искоса смотрит на накладки, покрывающие левую руку Акимова. У завхоза накладка только одна — «перстень» на среднем пальце свидетельствует о том, что он побывал в питерских Крестах.

— Николаич, когда в отпуск? — не обращая внимания на ворчание Окунева, интересуется Акимов.

— Через неделю.

— Ты вчера тоже говорил, что через неделю.

— Через неделю минус один день. Если замполит отпустит. — Скачков посмотрел на кусочек неба в маленькое слуховое окошко в стене напротив двери, потом взял шапку и стал приглаживать мех вокруг кокарды. «Девочка моя синегла-а-а-зая», — пело радио. В коридоре кто-то подпевал ему, коверкая мотив.

С улицы доносился стук железа — кто-то занимался на спортплощадке, несмотря на мороз. Идти в кабинет не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Не хотелось видеть жуликов, выслушивать нытьё про одежду, питание, свидания, передачи, работу, отдых... Не хотелось видеть начальство, выслушивать нотации, выполнять невыполнимые приказы.

Ему вспомнилось, как вчера замполит попросил его остаться после вечернего совещания на разговор.

— Посадишь завтра утром своего старшего дневального в изолятор, — закуривая, приказал он.

— Товарищ майор, за что? — изумился Скачков. — Меня мой завхоз устраивает, оперов тоже, с порученной работой справляется. Обстановкой на отряде владеет, люди его уважают. Мне новый завхоз не нужен.

— Ты чего понёс, Вова? — спокойно прервал его замполит. — Он мёртвый у тебя. Ремонты встали. Зэки курят в подъезде, униженные и оскорблённые головы поднимают. Каждая мышшь имеет что сказать. Такого быть не должно. Он давить должен. Режим должен быть!

— Садить не буду, — отрезал старлей, упрямо наклонив голову. — Я с ним поговорю. Ремонт

пойдёт. Дисциплину наладим. Всё нормализуется. Я обещаю.

— Ну смотри, Вова. Офицерское слово твоё, — замполит открыл окно и выкинул окурочок.

— Николаич, куда в отпуске поедешь? В Египет? — вывел его из задумчивости хозяин каптёрки. Окунев закурил третью сигарету и вопросительно посмотрел на начальника отряда. — Какой-то ты смурной сегодня.

— Никуда не поеду. Денег нет. Машину буду ремонтировать.

— Продай ты свою девятку! Давай пацаны с Питера тебе «ауди» подгонят. Я тебе сто раз говорил, — предложил Окунев.

Старлей покачал головой.

— Я за восемь лет так и не понял, зачем вы здесь работаете. Денег не получаете, зато геморроя до фига. Каждый день из-за всяких животных по сандалиям получаете. Угрожают вам постоянно. Наказывают за всё, — Акимов повертел в руках резиновое кольцо-эспандер, с которым не расставался. — Вот скажи, Николаич, тебе это зачем надо?

— Не знаю, — вздохнул начальник отряда и отхлебнул остывший кофе из кружки.

— Может, ещё кофе? — спросил завхоз.

— Давай.

— Голованов! — крикнул Окунев в коридор. — Три кофе!

— Уходи из этого болота, Николаич, — продолжил Акимов. — Здесь чтобы работать, нужно быть мерзавцем. А ты другой. Мы с тобой три года работаем. Я неглупый человек, вижу тебя. Все видят, что тебе тут нехорошо. Ищи другую работу, — закончил Акимов и откинулся на спинку стула. — От тебя я только добро видел и справедливость. И тебе добра желаю.

— Я ищу, — протянул Скачков. Завхоз и его помощник смотрели выжидательно. — Но пока безуспешно. Деньги нужны.

В каптёрку зашёл тощий зэк и, поставив на стол три кружки кофе, молча вышел.

— Владимир Николаевич, мне с вами поговорить надо, — в каптёрку заглянул зэк, у которого начальник отряда забрал телефон.

— Дверь закрой, — зарычал Окунев, он встал и закрыл дверь на ключ. — Как они меня все долбали, — проворчал старший дневальный.

— У меня близкий в Питере — бандюга, — Акимов упёрся локтями в стол и придвинулся к своей кружке кофе. — Полтора миллиона в неделю поднимает. Ни разу не сидел! Он себе значок сделал какой-то. Под кирпич проезжаем как-то раз, нас патруль останавливает. Всё, думаю, или штраф, или заберут. Он им значок сунул, менты ему честь отдали и отошли. Я говорю корешу: мне срочно такой нужен. А он: у тебя фигура не той формальности!

— По твоей роже можно лекции читать о вреде алкогольного зачатия, — подтвердил Окунев и хлопнул Акимова по плечу. — Ты это к чему рассказал?

— Так. Начальника развеселить, — Акимов залпом опрокинул содержимое своей кружки, встал и направился к выходу. — Николаич, я к тому, что деньги можно всегда заработать. А если душа не лежит — ничего хорошего не получится. Я это тебе сто раз говорил. — Он повернул ключ и вышел. Завхоз поднялся и снова закрыл дверь.

Акимов действительно на свободе сильно пил. Дело кончилось тем, что в пьяном угаре он насмерть забил жену. Дали ему восемь лет строгого режима. Отсидев пять лет, он обзавёлся новой семьёй, сыну скоро будет два года, и сроку осталось полтора. Уголовное дело и судьбу Игоря Скачков знал досконально. Он готовил материалы на его условно-досрочное освобождение. Втайне начальник отряда надеялся, что это его последний осуждённый, которого он подготовит на УДО. Со дня на день должен был прийти ответ от одной фирмы, где ему обещали хорошее место.

— Николаич, переведи из отряда Жездриса, — прервал молчание Окунев. — Я редко такие вещи прошу сделать. От него толку никакого. Уборщик он хреновый. Весь больной. Всё время ноет. Один, говорит, выход у меня — самоубийство, — завхоз усмехнулся. — На отряде он не нужен. Сними ответственность с себя. Чую я: криво въедем мы из-за него.

— Ладно, Дима, — Скачков поднялся из-за стола. — Решим в ближайшее время. Спасибо за угощение. Пойду работать.

— Да ладно тебе, Николаич. Всегда рады. С человеком поговорить. — Окунев открыл дверь и выпустил начальника отряда в коридор.

— Внимание, отряд! — крикнул «атасник». — Отрядник идёт!

Старлей быстрым шагом прошёл по коридору и открыл дверь своего кабинетика. Не успел он сесть за стол, как к нему ворвался дневальный Сергей Иванов.

— Слышишь, Николаич, мне бумажка пришла из спецчасти, — вскричал он. — Скоро я гражданином Финляндии буду и уеду досиживать срок туда!

— М-м-м, — промывчал Скачков.

— Вот зачем ты так, отец? — с осуждением посмотрел на него Иванов.

Старлей никогда не мог понять, когда этот человек шутит, а когда говорит правду. Люди в колонии между собой считали, что Иванов «пересидел» и немного помешался. Однако работал он хорошо и на должности стоял ещё до того, как Скачкова перевели сюда начальником отряда.

— На, посмотри, — дневальный протянул бумагу, в которой говорилось, что при условии предоставления необходимых документов осуждённый Иванов имеет право быть признанным гражданином Финляндии.

— У меня мать русская, отец финн. Сейчас все родственники имеют финское гражданство. У меня два паспорта. Понял теперь?

— Теперь понял, — озадаченный, Скачков вернул листок.

— Ну и почему ты мне не поверил, Николаич? Разве я тебя обманывал когда-нибудь?

— А почему я должен тебе верить? У меня нет оснований тебе доверять, — отрезал старлей.

— Вот! — торжествующе поднял палец Иванов. — То есть если я в чёрном, а ты в синем, то мы разные. Жизненные обстоятельства, разные стороны баррикад, бла-бла-бла.

— Тебя чего понесло, Серый? — устало улыбнулся Скачков.

— Ты представь, что я работаю, что я просто здесь работаю. Согласись, зэк даёт работу сотруднику: не было бы нас — не было бы вас. Представь, что я такой же человек, что мы не разные. Просто я тут работаю.

— Ты умный и хитрый, Серый, — ответил начальник отряда, вертя в руках степлер, которым он играл всегда, когда размышлял. — Значит,

опасный. Мы же в тюрьме! Здесь никто никому не доверяет! Ты сам-то доверяешь кому-нибудь?

— Как же ты тут служишь?! — закатил глаза дневальный, и старлей опять не понял, шутит дневальный или всерьёз. — Отчуждение и одиночество.

— Одиночество — как стержневое чувство, — добавил начальник отряда.

— Хороший ты человек, Володя, — помолчав, признался Иванов. — Я бы тоже мог быть хорошим человеком, но меня посадили. Да, виноват. Каждый день думаю об этом. А с тобой мне приятно общаться, отец, — ээк снова пристально посмотрел в глаза начальнику отряда. — Ты бы знал, какие показания потерпевшая давала! Вот уж точно: чем больше счастья в жизни человека, тем трагичнее его свидетельские...

— Из-за разговоров работа встала. Теперь я уже точно выговор получу, — не дослушав, прервал его Скачков. — Сегодня весь день одни душеспасительные беседы.

— Вот ты думаешь: дурачок Иванов С. Б., отряд номер семь, да? — дневальный подался вперёд, продолжая пристально смотреть на начальника отряда. — А мог бы ты обаянием город взять?

— Как это?

— Вот тебе сколько лет, начальник?

— Двадцать восемь.

— А мне сорок четыре. Видел бы ты меня в двадцать восемь лет! Я тогда мог приехать на любой район и просто одним обаянием его взять. Я в Питере жил. Ну ты знаешь, читал дело.

— Нет, не знаю. В деле не всё пишут, — ответил начальник отряда.

— А-а-а, — возбуждённо протянул Иванов и продолжил: — Дак ты не знаешь ничего, родной! Ну ничего, я расскажу тебе. Я же учился в Институте международных отношений. Я лингвист. На пяти языках говорю. Говорил. Давно. Школу окончил в Финляндии, а в институте учился в России. Знаешь почему?

— Почему?

— Потому что мать моя — умная женщина. В СССР тогда бесплатное образование было, бесплатная медицина. Всё на халяву.

— Ну, — согласился Скачков.

— Я всегда себя финном считал, это мой родной язык, я на нём думаю. Хотя в России я про-

жил больше времени. — Тут в дверь поскреблись, кто-то начал открывать её. — Закрыв дверь с той стороны, грач! — крикнул Иванов, и дверь тут же захлопнулась. — Вот видишь, начальник. Сила в тюрьме — абсолютный бог. Если ты добрый, великодушный — значит беспонтовый. Страдание не даёт никаких прав. Только сила. Остальное — уход от реальности.

Скачков с интересом посмотрел на дневального. Впервые человек, который сидел в колонии, так раскрывался перед ним. Начальник отряда старался не потерять нить разговора и одновременно пытался понять, к чему клонит дневальный, где тут подвох.

— Я же первый раз сижу, Николаич, — продолжил дневальный.

— Не может быть. «Первоходы» у нас не сидят.

— Судимость вторая, — пояснил Иванов. — Мне условно давали, а потом я человека убил. Я плохой был человек. Я думал, что я самый лучший, самый умный. Мы тогда, если бы захотели, могли бы города брать. Представь, что у тебя друзей не пять, не десять, а десять тысяч! Конечно, я был плохим человеком.

— Что значит «плохим»?

— Я ногу гаишнику прострелил. Он меня остановил, я ему взятку дал, а он взял. Я ему ногу прострелил. Ты же должен меня оштрафовать, а ты деньги берёшь, говорю ему. А он: у меня семья, дети, не убивай. — Ээк вытащил из кармана пачку сигарет, достал сигарету, покрутил в руках и спрятал обратно. — А один раз я четыре часа битой бил троих коммерсов, а одному ухо отрезал, потому что они детям шоколадку не дали. А дети были бездомные, голодные.

Глаза у Серого блестели.

— А сколько у меня женщин было! — Он вскочил со стула и в волнении заходил по кабинету. — Тому, кто создан для игры, всегда хорошо в женском обществе. Женщины — благодарная публика. Они многое готовы терпеть, если ты умеешь зажигать огонь восхищения в их глазах.

— Ты с чего разоткровенничался? — прищурился Скачков.

— А не знаю, — наклонившись к нему, ответил дневальный и снова зашагал по кабинету. — Хочу так сегодня. Карты под стол, стволы на стол! Должен же я хоть с кем-то раз за срок начистоту поговорить! Без оглядки! Как с психо-

логом или с психиатром, в моём случае. Может, это из-за бумажки этой, — задумавшись, он медленно присел обратно к столу.

— Знаешь, в чём наша разница, Серый, — задумчиво сказал начальник отряда. — В том, что у меня есть идеалы, а ты свои давно потерял. Ещё тогда. Посмотри на себя. Ты же разочаровавшийся романтик. Циничный романтик. Хочешь, чтобы людям было хорошо, молодец. Но методы-то... — Теперь уже старлей устался в глаза дневальному. — Я верю в добро. Просто так верю. Мне для этого не нужно никому уши отрезать. Мне даже не нужно ненавидеть вас, осуждённых: бандитов, убийц, насильников, людоедов, воров... Добро есть. Для этого ничего не нужно делать. Нужно просто это знать. Знать и поступать по совести.

— Ты хороший человек, Володя, — вздохнул ээк Иванов. — Была бы моя воля, я прямо сейчас отпустил бы тебя домой. — Он махнул рукой, потёр лоб, вспоминая, что хотел сказать, и продолжил: — Цинизм — это искушение, преодолевающее все умы. Ты ещё не поддался, но уже вот-вот... Надеюсь, я не увижу, как ты превратишься в циника.

Он сел на стул, ссутулился, сложил руки перед собой в замок. Скачкову показалось, что дневальный постарел за время разговора. Теперь это был не жиган, не топотун, а уставший человек с морщинистым худым лицом, большими залысинами, узловатыми пальцами и печальными карими глазами.

— Два года досидеть осталось, — сказал сам себе Иванов. — Спасибо, начальник! Как-то легче, что ли, стало, — дневальный хлопнул себя по коленям и усмехнулся. В глазах его снова загорелся привычный огонёк. — А ты пока загадку отгадай, — он вытащил из кармана листок, положил перед начальником отряда на стол, поднялся и вышел.

Скачков развернул бумажку. «Что на свете милее всего? Что на свете слаще всего? Что с земли не поднимешь?» — прочитал он.

4

— Владимир Николаевич, разрешите? — В кабинет зашёл ээк, у которого начальник отряда забрал телефон.

— Ну чего ты ходишь, Киселёв? — раздражённо спросил Скачков, посмотрев на худенького лопухого мужчину с тонкой щёткой усов, стоящего по стойке «смирно». Киселёв никогда не имел никаких нареканий. Заходил редко, говорил по существу, не нарушал. Скачков был огорчён, что забрал у него телефон.

С точки зрения оперативной обстановки, это было бесполезное действие.

— Представляете, Владимир Николаевич, с женой разговаривал, — развёл руками ээк. — Помните, вы доверенность помогли мне оформить? Я звонил ей сказать, что отправил. Только жена-то бывшая.

— Ну, понятно, — начальник отряда посмотрел на листок с загадками. — Андрей, что на свете милее всего?

— Каждому своё. Семья, наверно, — и уточнил: — Для меня.

— Почему семья?

— Потому что у меня её нет, а она для меня очень дорога. Дочь, когда паспорт получала четыре года назад, взяла фамилию жены, а отчество деда. Ты мне, говорит, только биологический отец. Я тебя не знаю и знать не хочу. Я ведь двенадцать лет сижу. Она маленькая совсем была, когда меня посадили. Сын тоже фамилию деда взял. А с женой я ещё раньше развёлся. Владимир Николаевич, не наказывайте меня за телефон. Он у меня простой. Я никому не звоню. Только жене. Мне больше некому звонить, я столько лет сижу, да и возраст не тот, чтобы сексом по телефону заниматься, как некоторые.

— Иди, Андрей. Позови мне Сашу Жездриса.

— Жездриса? Уборщика? Позову. — Киселёв вышел из кабинета.

«А что тогда на свете всего слаще?»

В дверь постучали.

— Осуждённый Жездрис прибыл. — В кабинет, ссутулившись, бесшумно зашёл седой мужчина, subtilный, с большой головой, тихим голосом и удивительно чистыми, светлыми глазами.

«Какой из него насильник? — в который раз поразился Скачков. — Да ещё и детей! Он же рубаху в штаны нормально заправить не может. И подушка у него как лягушка, и одеяло убежало... Чего-то я не понимаю в этом мире».

Жездриса осудили за совершение развратных

действий без применения насилия в отношении лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста. Проще говоря, он показывал свои причиндалы детям.

— Присаживайся, Жездрис, — начальник отряда указал на стул. — Рассказывай, как здоровье твоё, как настроение?

— Сегодня получше. Вчера голова очень кружилась. Утром в санчасть хотел пойти. Не выпустил прапорщик из локального участка. «Иди сортир мой, животное», — сказал. Меня никто не любит здесь.

— Здесь люди не для любви собрались, если ты ещё не понял, — сухо отрезал Скачков. — За что тебя любить?

— Я знаю. Сам виноват, — Жездрис обхватил голову своими большими ладонями. — Я, Владимир Николаевич, думаю, это болезнь какая-то. Отец тоже страдал этим.

Скачков, заметив, что у осуждённого затряслись губы и на глазах выступили слёзы, встал и закрыл дверь на ключ. Не хватало ещё, чтобы кто-нибудь увидел, что Жездрис плачет. Тогда его точно сживут со свету. Один Серый чего стоит!

— Я боюсь, что эта болезнь сыну передастся, — дрожащим голосом прошептал зэк и, достав платок, вытер лицо.

— Эта болезнь эсгибиционизм называется, — старлей с трудом подавил зевету. — Мне психиатр твой в санчасти сказал.

— Может, и так, я не знаю, — Жездрис выморкался. — У меня нервная система совсем расшатана. Сахарный диабет усугубляет состояние. Я добрый человек по натуре. Делаю, что говорят, всегда. А они ведь не понимают, издеваются. Специально мусор кидают на пол, унижают меня. Я думаю, что я тут умру. Срок у меня большой, здоровье слабое, возраст — мне на свободу уже не выйти.

— Вот таких разговоров мне не надо! Если есть у тебя трудности, ты сразу подходи и говори, будем решать.

— Хорошо. Спасибо, Владимир Николаевич, — осуждённый посмотрел на начальника отряда своими светлыми глазами. — Мне тут не спалось вчера. Я знаю, что вы ко мне положительно относитесь. А я говорить не умею. В общем, я вам письмо написал, — он положил на стол

конверт. — Вы сейчас не читайте, а читайте, когда я уйду, чтобы я не видел.

«Что сегодня за день? — Скачков со вздохом посмотрел на часы. — То загадки, то письма».

— Саша, — сказал он, — я тебя перевожу на другой отряд.

— Почему? — Жездрис растерянно посмотрел на начальника отряда. — Я что-то плохо сделал?

— Дело не в этом. Ты человек больной, вот я тебя и переведу к пенсионерам и инвалидам. Там условия лучше, контингент другой.

— Избавиться от меня хотите, — Жездрис был похож на побитую собаку, заискивающую перед пнувшим её хозяином. — Условия — это одно, а человеческие отношения — это другое. Мне ведь поговорить не с кем. Вот с вами разговариваю. А вы меня переводите, — зэк с упрёком посмотрел на начальника отряда.

— Саша, у нас не хватает спальных мест, сегодня будет распределение. Я тебя перевожу в другой отряд. Там тебе будет лучше. Я всё сказал, ты свободен, — Скачков указал Жездрису на дверь. Тот покорно встал, придвинул за собой стул.

«Старшему лейтенанту Скачкову просьба прибыть в дежурную часть!» — прервав поющее радио, отчеканил по громкой связи металлический голос.

— Ну вот, — старлей встал из-за стола. — Сейчас припашут куда-нибудь. Поработать сегодня не получилось. Зато поговорили.

— Поговорили, — эхом отозвался Жездрис. — Я пойду, Владимир Николаич. — Уже взявшись за ручку двери, он развернулся и сказал:

— Вся беда человека в том, что ему приходится плакать и молить о том, что его унижает. Знаете о чём?

— О чём? — спросил Скачков. Он торопился поскорее уйти.

— О помощи, — объяснил зэк.

— Саша, постой-ка! — начальник отряда вдруг вспомнил про загадку Иванова. — Что на свете слаще всего?

— Труд. Благородный. Тот, что приносит человеку удовлетворение и радость. Я любил свою работу. Печником был, — сказал Жездрис и вышел.

Скачков дошёл до дежурной части. Оказывается, его вызывал начальник пятого отряда капитан Темник. Не то чтобы они дружили, просто накануне Скачков уговорил Темника дать посмотреть ему свою документацию. Старлей хотел составить отчёты по подобию. Так легче и быстрее было...

Вдвоём они вышли за зону и отправились в столовую. Пообедав, покурили на улице, поделились последними новостями.

— Как отчёты? — спросил капитан, торопливо затягиваясь.

— Никак, — усмехнулся Скачков.

— Здесь так всегда, — добродушно хлопнул старлея по плечу Темник. — Синдром невыученного урока. Ну, давай, — капитан протянул руку Скачкову. — Не забудь, сдай вечером журналы, чтобы мне не возвращаться.

Темник пошёл домой, потому что у него сегодня был выходной и он приезжал доделать кое-какие бумаги, а Скачков, пообещав вечером сдать его журналы на проверку начальнику, отправился в свой отряд.

Зайдя в зону, он остановился выкурить в курилке ещё одну ленивую сигарету. Мимо пробежали два встревоженных сержанта.

— На сработку, что ли? Вводная «Побег»? — крикнул он им вслед, но те только рукой махнули.

Докурив, Скачков бросил сигарету и пошёл в дежурку. В дверях он столкнулся с дежурным, который вытеснил животом его обратно на улицу.

— Товарищ майор, с вами в узкостях уже не разминуться. Живот-то генеральский, — уступая дорогу, пошутил старлей.

— Ты чё ржёшь? У тебя на отряде зэк повесился, а ты ржёшь! У всей дежурной смены задница в мыле, а тебе смешно!

— Как повесился? Наглухо? Кто? — Скачков растерянно посмотрел на дежурного. — Ты так не шути, Саньч...

— Пошли, Володя, покурим, — дежурный придержал за рукав рванувшего было в отряд Скачкова. — Стулуй, уборщик твой, повесился! — майор выругался и плюнул себе под ноги. — В сушилке. Когда успел? Полный отряд зэков...

— Жездрис?!

— Пошли, пошли. Там пока делать нечего. Ты не грузись. Ты же на обеде был. Тебя не прицепят. Вот я попал... — Саньч прикурил сигарету и глубоко затянулся. — Не поймёшь этих зэков. Тут толпа офицеров ходит, им сопли вытирает. С его статьёй его тут убить должны бы, а ему работу какую-никакую дали, психолог беседует с ним через день...

— Я ему сказал, что в другой отряд перевожу его, вот он... — Скачков недоговорил.

— А слышал это кто?

— Нет. У меня даже кабинет был на ключ закрыт.

— Тогда чего ты переживаешь? Отмажешься, — успокоил его Саньч.

— Саньч, человек повесился! Понимаешь? Тут дело в принципе! «Отмажешься...» — Старлей закрыл глаза и прислушался. Морозный день вдруг захлюпал, стал мягким и влажным, словно болотная жижа. Ему стало жарко, он расстегнул бушлат, сдвинул шапку на затылок.

— Ну ладно, — хлопнув старлея по колену, Саньч поднялся, бросил сигарету в урну. — Это тюрьма, а не санаторий. Привыкай. Я тут двадцать лет отработал, навидался!

— К смерти я давно привык, ещё в армейке, когда на Кавказе служил, — Скачкову опять вспомнился вопрос дневального: — Ты мне скажи, Саньч, что на свете милее всего, что на свете слаще всего и что с земли не поднимешь?

— Володя, ты чудишь, по-моему, — усмехнулся дежурный. — На хрена тебе это?

— А всё-таки, — не унимался Скачков.

— Что милее всего? — майор поскрёб подбородок. — Отпуск, товарищ старший лейтенант! На охоту съездить, на даче покопаться, выпасться, газету почитать. Слаще всего мёд с пасеки моей тёщи. А ещё?..

— Что с земли не поднимешь? — повторил Скачков.

— Это не знаю. Всё. Ушёл, — дежурный развернулся и скрылся в дверях.

Старлей закурил. Достал из кармана конверт с письмом Жездриса, развернул тетрадный лист и пробежался глазами по неровному почерку, где письменные буквы перемешались с печатными, а вина за совершённое — с обидой, усталостью и отчаянием.

«Начальнику отряда В. Н. Скачкову.

Информация по болезням: сахарный диабет, гипертензия. Что для этого нужно: постоянный контроль сахара крови в организме, правильное питание, т. е. через каждые 2 часа, понемногу, поддержка организма витаминами и инсулином. Постоянный контроль давления.

Гражданин начальник отряда, здесь нет возможности правильно всё делать; колоть инсулин, проверять давление, сахар, правильно питаться. В санчасти дают то, что есть, не всегда можно выйти из изолированного участка. При плохом самочувствии мне не к кому обратиться, идёт полное нарушение психики, вплоть до суицида. Хоть как болеешь, всё равно надо работать. При работе быстро снижается уровень сахара в крови. Когда расстраиваюсь — повышается давление. Никому нет дела до меня. Как хочешь выживай. Что мне делать? Родственников нет, средств, чтобы помочь, у жены нет. На воле региональный бюджет выделял лекарства бесплатно.

У меня постоянные головокружения. Боль в сердце. Боль в поджелудочной. Ноги болят. То изжога, то голова болит. Пропадает память, зрение. Постоянные простуды.

В столовой нет возможности брать с собой дополнительно что-нибудь, даже хлеба не дадут, хоть и лишнее остаётся, а при низком уровне сахара надо постоянно что-нибудь кушать. При плохом самочувствии не всегда можно прилечь. Некому помочь в трудную минуту. Поговорить не с кем. Надо мной все издеваются, оскорбляют, унижают. Лучшие сидеть в одиночке весь срок, как опасный преступник.

Я добрый, безотказный, стараюсь делать добро, потому что зло всегда бессмысленно в мире красоты и гармонии. А что ни делай, всё равно нет благодарности. Конечно, сам виноват. Никто меня сюда не тащил. Государство наказало жестоко, сам зашёл в систему, наказал себя. Придётся мучиться.

Можно много говорить. Я был и руководителем, очень много людей меня уважало, любило. И богатые, и бедные. Идёшь по улице, а с тобой здороваются, говорят: спасибо, печь наладил (приятно). До сих пор спрашивают, куда Саша делся, пропал. Здесь я никому не нужен. Некому меня выслушать, понять. Я не хотел никому

делать плохо. Болезнь у меня какая-то. Может быть, меня лечить надо было. Теперь уже ничего не изменить, не переделать. Рано или поздно я тут умру. Обидно. Люди будут говорить — извращенец, маньяк. Сын стыдиться будет. А потом забудут, как будто не было меня никогда на свете».

Сигарета давно истлела, а старлей всё сидел в курилке и смотрел на заходящее зимнее солнце. Рядом присел Иванов. Некоторое время они молча смотрели на закат.

— Николаич, я тебя везде бегаю ищу. Даже в дежурку прорвался. А ты тут куришь, — Серёга коснулся его плечом: — Это ты из-за Сутулого? Судьба у него такая, отец. У каждого своя. Значит, так надо было. Никто его в петлю не тащил. Сильные люди даже в неволе остаются свободными, потому что свобода, она внутри. А слабых ломают. Естественный отбор.

Скачков достал сигарету, удивляясь, как много он сегодня курит.

— Серёжа, в загадке какой ответ? — спросил старлей, щелчком выбил из мятой пачки ещё одну сигарету и протянул её дневальному.

Зэк Иванов глубоко затянулся, помолчал и усмехнулся:

— Нет правильного ответа, Николаич.

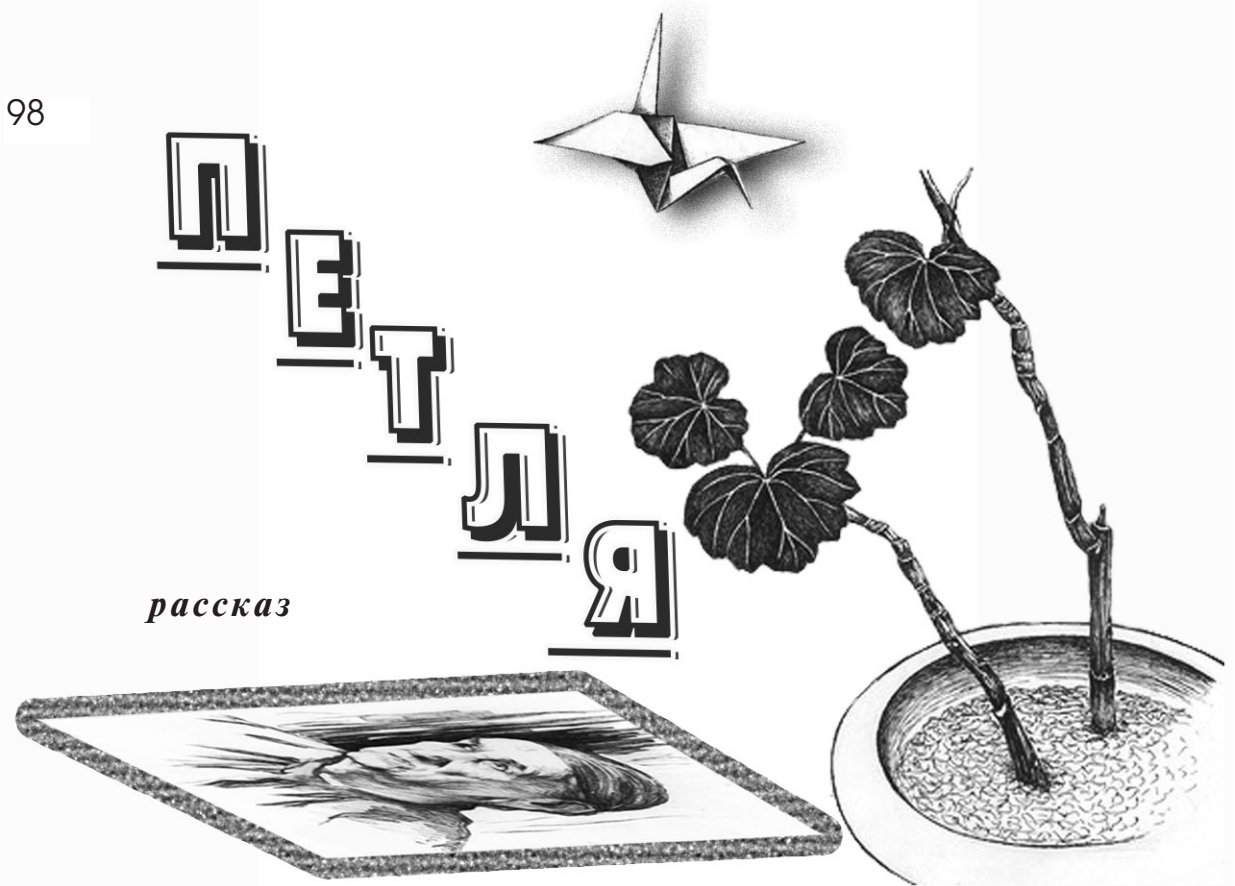
— В смысле?.. — не понял Скачков.

— А вот так. Что на свете милее всего? Для меня жизнь, потому что она одна и, когда я умру, больше ничего не будет. Что на свете слаще всего? Сон, потому что, когда я сплю, я свободен и ни ты, ни начальник-полковник мне не указ. Что с земли не поднимешь? Собственную тень. Тень своего прошлого, которая будет преследовать тебя всю жизнь. Думай, прежде чем что-то сделать, начальник, потому что тебе потом с этим жить.

Иванов докурил, бросил сигарету и посмотрел на горизонт. Солнце закатилось, и стремительно наступали ранние зимние сумерки, густые и тягучие.

— Темнеет рано, — дневальный плюнул на снег и пошёл обратно в отряд.

Скачков проводил его взглядом, поправил шапку и, сутулясь, вышел из курилки.

Старик проснулся. Дыхание с хрипом вырывалось из его груди. Этой ночью жена снова приходила к нему. Во сне она садилась на край кровати, нежно проводила ладонью по его седым волосам, по заросшим серебряной щетиной впалым щекам, ласково смотрела на него.

Аня не звала его с собой. Грустно улыбаясь, она смотрела на него и молчала. Он умолял её остаться, но жена только качала головой.

Ему снилось что-то ещё, но вспомнить он не мог. Старик проснулся. Значит, он будет жить ещё один день.

Светало. Старик перевернулся на бок и посмотрел на прямоугольник окна. Небрежно задёрнутые шторы позволяли увидеть угол соседнего дома и серебристо-свинцовое утреннее небо. Он подтянул колени к животу и закрыл глаза.

Не спалось.

Старик перевернулся на спину и уставился в потолок. Полежав так пару минут, прислушиваясь к своему телу, он осторожно сел, вздохнул и впотьмах принялся натягивать спортивки. Недавно сын подарил ему пижаму. «Больно на тебя смотреть», — заявил он. Коленки вытянутые, майка непонятного цвета, рубаха по

швам расползается. Конечно, сын хотел как лучше, просто старик давно перестал нуждаться в новых вещах. Старик жил воспоминаниями. Подарок нетронутым лежал в шкафу.

Каждое утро старик принимал лекарства, которые привозил сын, чтобы сердце работало исправно. А для чего? Вернее, для кого? Он не знал. Пока Аня болела, нужно было ухаживать за ней, это имело смысл, а теперь... Теперь ему было всё безразлично. Он просто переживал ещё один день. По привычке.

На кухне было темно, пахло молотым перцем и какими-то специями. Старик поскрёб пятернёй поросшую седым волосом грудь, налил полкружки воды из-под крана, вернулся в коридор и включил свет.

Первые полгода после смерти Ани он жил с сыном. Юра боялся, что отец от тоски наложит на себя руки, не сумев принять, осмыслить потерю жены, с которой они прожили почти полвека. Целыми днями старик молча сидел на стуле у окна, сложив руки на коленях, и смотрел то перед собой, то на улицу. Он был настолько потрясен, что не мог представить себе, как жить и что теперь делать. Наконец

ему стало невыносимо в квартире сына с его заботой, его сочувствием; он уговорил Юрия отпустить его домой. В тот год старик много читал, бодрился, с марта по октябрь жил на даче, даже собрал неплохой урожай кабачков, но без Ани всё это походило на игру, а он слишком любил настоящее, подлинное.

Старик вытащил из аптечки первую попавшуюся коробочку с таблетками, хотел было выпить, но заметил, что таблетки предназначены для жены. «Надо выкинуть», — подумал он и сунул коробочку в карман.

Приняв «свой» препарат, старик попил воды, отодвинул занавеску и выглянул в окно. Дождь шумел в начинавших желтеть листьях деревьев, замерших в безветрии под его балконом. «А так ли давно мы втроём сажали под окнами эти деревья...» — с грустью подумал он.

Старик попытался вспомнить, когда последний раз выходил на улицу, и не смог. Почти каждый день к нему приезжал сын, привозил продукты. Иногда они пили чай и разговаривали, но чаще сын забегал ненадолго, второпях. Раньше старик гордился тем, что сын выбился в люди, стал большим начальником на том заводе, где сам он всю жизнь отработал «точилой» — простым токарем. Раньше всё было по-другому. Когда была жива Аня, она наполняла своим присутствием весь дом. Теперь её нет. Сын давно вырос. Остались воспоминания и старость.

Включив газ, старик поставил на плиту чайник и присел к столу. В конце концов, на свете нет ничего вечного, он провёл ладонью по столу, сметая засохшие хлебные крошки, и это даже хорошо...

Чайник закипел. Старик заварил себе кружку чаю и сел на место. «Старость и одиночество побеждают любую тягу к жизни», — подумал он, возвращаясь к своим мыслям, и сделал маленький глоток.

В дверь позвонили. Старик взглянул на часы, висящие над столом, пожал плечами и, шаркая ногами, пошёл на зов. Он брёл медленно, на ходу надевая красную клетчатую рубаху на полинявшую и растянувшуюся майку, в которой он спал. А ещё мимоходом посмотрел в зеркало; оттуда на него глянула его собственная тень — всё, что осталось от былой телесности и стат-

ности. В прихожей взгляд наткнулся на старомодные белые туфли жены, он бережно отодвинул их в сторону и открыл дверь.

— Здравствуйте, — молодой человек в сером пиджаке шагнул в коридор и протянул набитый продуктами пакет. — Это вам.

— Здравствуйте, — равнодушно отозвался старик. — А где Юрка?

— Занят Юрий Михайлович. Велели передать, что вечером обязательно заедут в гости. Такой, мол, праздник не пропустит!

— А вы кто? — Старик снизу вверх посмотрел на рослого плечистого парня.

— Я Саша, новый водитель, — улыбнулся тот. — Водитель Юрия Михайловича. Вон и машина его под окном, — он махнул рукой в сторону кухонного окна.

Старик хотел спросить, где старый водитель, но промолчал. Какая разница?

— Продукты в кухню занеси, на столе оставь. Водитель в два шага пересёк коридор, поставил пакет на кухонный стол и, вернувшись, кивнул:

— Ну, мне пора.

Старик снова ничего не ответил. Парень попрощался и закрыл за собой дверь.

Старик вернулся на кухню, закатал рукава рубашки и заглянул в пакет. «Праздник, — разбирая продукты, пожал он плечами, — какой такой праздник?»

Закончив с продуктами, старик пошёл в комнату. Присев в кресло, он взял со стола пожелтевшую фотографию. Это была карточка его любимой. Аня сидела на венском стуле вполборота и, улыбаясь, смотрела в камеру. Фото чёрно-белое, но старик отлично помнил светло-голубое платье, стянутое поясом на тонкой талии, коричневую заколку на вьющихся каштановых волосах, рыжие босоножки на каблуке. Рядом на кованой жардиньерке цвета чёрной бронзы стоял цветок с большими бледно-розовыми бутонами.

Старик бережно отложил карточку, вернулся в кухню, открыл форточку и, закрыв глаза, глубоко вдохнул свежий прохладный воздух.

День медленно соскальзывал с покатых крыш, уступая место вечеру. Старик порезал глубокую тарелку салата, остудил в морозиль-

нике водку, припрятанную давным-давно, сделал бутерброды с привезённой водителем икрой и стал ждать сына, гадая, что же за праздник сегодня.

Суэта в кухне немного взбудрила его. Через открытую форточку в квартиру залетали звуки улицы, ударяясь в грязно-зелёные занавески, заставляли их раскачиваться в такт с порывами свежего ветерка.

Старик оторвал листик от цветка герани, стоящей на подоконнике, растёр его в руках, вдохнул запах. Фыркнул и встал, чтобы вымыть руки.

Аня любила эти цветы: красные, белые, розовые, фиолетовые... Все подоконники раньше были заставлены геранью. Жена говорила, что это растение отпугивает насекомых, очищает воздух, защищает от болезней, нормализует сон. «Пеларгония, — объясняла она, — цветок-оберег, хранящий своих хозяев и весь дом от ссор, обид и несчастий». Учительница ботаники, она знала многое из того, что было неизвестно ему, потому что всегда много читала, в отличие от него.

Старик посмотрел на единственную оставшуюся у него герань. Никогда он их не любил, но этот бледно-розовый, точь-в-точь как на старой фотографии, цветок был ему дорог. Последний.

«Пеларгония с греческого переводится как «журавль», — звучал в его памяти голос жены. — А он символ здоровья и долголетия, преданности и семейной гармонии».

— Журавль, — глядя на цветок, тихо произнёс старик, будто пробуя слово на язык.

Сын приезжал обычно около восьми часов вечера, но пробило девять, десять... Только без пятнадцати одиннадцать в дверь позвонили.

— Кто? — спросил старик, заглянув в глазок.

— Батя, это я, — отозвались из-за двери.

— А я никого не жду.

— Пап, перестань. Это Юра, открывай.

Старик открыл дверь и впустил-таки блудно-го сына.

— Заседание затянулось, — извиняясь, пояснил он. — Конец квартала...

С трудом нагнувшись из-за массивного живота, Юрий развязал шнурки, снял и аккуратно поставил лакированные ботинки; отдуваясь, прошёл в кухню. Покачав головой, старик потянулся следом.

Они сели за стол друг напротив друга. Юре уже перевалило за сорок. Три года назад он, к радости матери, женился на скромной заботливой девушке Лене, которая была намного моложе него. Старик с женой с нетерпением ждали внуков, но для сына на первом месте стояли карьера, успех, положение в обществе. О детях он задумался только после смерти матери.

Старик достал из холодильника водку.

— Ешь прямо из салатницы — чай свои.

— Где это ты бутылку раздобыл? — снимая пиджак и галстук, поинтересовался Юрий.

— С годовщины осталась, — пожал плечами старик.

— Я виски принёс. Шотландский, настоящий, — Юрий предложил было отцу, но тот прикрыл рюмку ладонью.

— Сам свой самогон пей.

Сын налил себе виски, водки — старику.

— Давай, что ли? За встречу. За тебя.

— И за тебя, сынок.

Они выпили, закусили бутербродами с икрой. Налили снова и снова выпили. Помолчали. Юрий принялся за салат. Располневший, краснощёкий, он из высокого черноглазого юноши превратился в сурового начальника с громким голосом и большим животом.

— Ну как ты? — немного поев, спросил он.

— Что «как?» — переспросил старик.

— Живёшь, — пожал плечами сын. — Как здоровье?

— Нормально, — уголки рта старика опустились. — Какая разница? Старый я, а не болит ничего. Слабость есть, но это ерунда. Даже злит меня это. Как будто и помирать не собираюсь. Хоть вешайся.

— Началось! — Юрий бросил вилку. — Пап, ну ты чего? Опять за старое? Сколько можно? Я просто заберу тебя обратно. Пусть Ленка за тобой ходит.

— Ну уж нет, — покачал головой старик. — Вы с женой живёте вдвоём, вот и живите. Мне у вас делать нечего. — И, помолчав, добавил: — Старость в доме как сорняк в горшке с цветком.

Заиграла мелодия мобильного. Юра взглянул на экран и отложил телефон в сторону.

— Я и не понял, что это телефон, — удивился старик. — Кто звонит?

— Ленка, — отозвался тот. — Третий раз, всё невпопад.

— А ты ответь.

— Потом перезвоню. Рассказывай, чем занимаешься? — сменил тему сын. — Какие новости? Я ж с неделю не был.

— Да хоть две. Какие могут быть новости? Телевизор не смотрю, книг не читаю — глаза устают. Радио раздражает. Брожу по квартире целыми днями да в окно смотрю. Думаю о том о сём...

— Может, на дачу? — предложил Юрий.

— Не хочу, — покачал головой старик. — Устаю быстро. Слабый стал. Не хочется уже ничего.

— Давай я тебя на дачу отвезу. Будешь гулять, — не сдавался Юрий. — В прошлом году всё лето прожил. А в этом сам не свой, вообще ничего не хочешь. Давай отвезу?

— Да не хочу я! — Старик раздосадованно хлопнул стопкой по столу перед сыном. — Лучше налей-ка!

Выпили.

— Когда один живешь, всё думается о разном. — Старик сделал неопределённый жест рукой с пустой рюмкой в кулаке. — Недавно вспомнилось, как мы с твоей мамой в общезитии жили. Мне тогда от завода дали комнатёнку. Трудные времена были...

Старик задумался, его взгляд потеплел, он поставил стопку и посмотрел на сына.

— А знаешь, какая мама у тебя была красивая. Росточка маленького совсем, стройная, голос звонкий... У нас всегда полный дом гостей был... Она нас с тобой очень любила. До конца. Замечательную жизнь мы прожили...

Они замолчали.

— Даст Бог, поживём.

— Что? — рассеянно спросил старик. — Что говоришь?

— Давай-ка выпьем, — предложил Юрий. — За годовщину вашей с мамой свадьбы.

Старик бросил быстрый взгляд на сына и прикусил губу. Они выпили, не чокаясь.

Как же это я забыл, осёкся старик, ах ты, едрить твою налево.

— Батя, ты давай не переживай, — сын положил руку ему на плечо. — Я тоже скучаю по маме. Мы ведь с тобой оба осиротели.

— Осиротели, — вздохнул старик, и голос его дрогнул.

Снова заиграла мелодия мобильного. Сын вышел в комнату поговорить, жестом изобразив, что вернётся через пять минут.

Старик посмотрел в окно и будто впервые увидел состарившиеся хрущёвки и современные здания торговых комплексов, неопрятные автобусные остановки и нарядные коммерческие ларьки, которые можно было разглядеть с пятого этажа его дома.

«Как изменился город... — удивился он. — Живу в нём много лет и помню его совсем другим». Вернулся сын.

— По работе звонили, — пояснил, усаживаясь. Отец с осуждением посмотрел на сына.

— А когда жена звонит, трубку не берёшь.

— То жена, а то коллеги, — пожал плечами Юрий. — Освобожусь — позвоню.

— А вдруг что-нибудь важное?

— Я тебя умоляю, — усмехнулся сын. — Ну что может случиться?

Они поговорили о политике, о бизнесе Юрия, о жене Леночке, о секретаршах и верности. Захмелевший сын громко рассуждал, махал руками, доказывая свою правоту так, как будто с ним кто-то спорил. Старик слушал, отмалчивался. Дважды он отлучался в туалет. Второй раз для того, чтобы стащить из кармана сыновьего пальто пачку сигарет. Старик сам не понимал, для чего это делает. Ему вдруг захотелось курить. Каково это будет — спустя двадцать лет снова затянуться? Он спрятал сигареты в ванной. Юрий ничего не заметил. Сын вообще мало что замечал. Было время, когда маленький Юрка и шагу не мог ступить без отца, но годы прошли, и сын отдался. Теперь старик терялся перед этим громкоголосым самоуверенным мужчиной. Старик не хотел выглядеть слабым, его ранила снисходительная улыбка Юрия. У него ещё осталась гордость. В сущности, это единственное, что ему удалось сохранить.

В очередной раз напомнил о себе мобильник. Водитель Саша доложил, что он подъехал и ждёт в машине у подъезда.

— Ну, мне пора. — Сын засобирился домой, они встали из-за стола. — Ленка зажалась...

— Сынок, — старик придержал Юрия за руку. — Забери герань. Это непростой цветок, он семью бережёт. Забери. У меня погибнет.

— Может, в другой раз? — Юрий посмотрел сверху вниз на отца. — Ну куда я с ним?

Старик отпустил руку. Они вышли в прихожую.

— Ты позвони, как доберёшься, — попросил старик. — Я ведь спать не лягу, пока не позвонишь!

— Обязательно позвоню, — заверил Юрий, приобнял отца и вышел. Старик проводил взглядом его широкую спину, закрыл дверь и вернулся на кухню. Он присел на краешек табурета, положил руки на колени и замер, прислушиваясь. В этом городе никогда не бывает тихо. Как будто живешь на берегу моря.

Старик посмотрел на герань. «Раз, два, три... — посчитал он бутоны. — И нас когда-то было трое, но в то же время мы были одним целым».

В голову полезли воспоминания. Лица и события сменяли друг друга в калейдоскопе прожитых лет. «Мы стареем только из-за памяти, — подумал старик, — мы слишком мало забываем».

В бутылке ещё оставалось немного водки. Он налил стопку, сунул пустую бутылку под стол, сходил в комнату за любимой фотографией жены, поставил её перед собой на стол и смотрел, смотрел, смотрел...

«Неудачный день», — подумал он. И сам же возразил: «День? А неделя? А месяц? А может, и жизнь?» Снова накатила сосущая нутро пустота... Что же делать? И опять как эхо: «Выход есть». Он обхватил голову руками. Выход есть. Выход есть всегда, даже если этот выход...

Старик медленно перевёл взгляд за окно. Мир вокруг него растёт, ширится, набирает силу, а он, напротив, хилеет, скукоживается вокруг своего одиночества. Он уже в тягость даже самому себе.

«Когда человек остаётся совсем один, уйти из жизни легче. Не за кого больше беспокоиться. И ты никому не нужен», — старик опрокинул последнюю рюмку и понял, что изрядно пьян. Вдруг он вспомнил, что спрятал сигареты сына в ванной, и, отложив все размышления, пошёл курить.

«Курить нужно под музыку, — думал старик, набирая в легкие дым. — Однако такое чувство, что я только вчера курил последний раз. Как будто и не было столько лет без сигарет. Голова кружится».

Старик осилил полсигареты и бросил её в раковину. На лбу у него выступил холодный пот, гулко бухало сердце, отдаваясь звоном в ушах, подступила тошнота. Стены ванной вращались вокруг него. Он судорожно сглотнул, выбрался в коридор, лёг на пол и закрыл глаза. Тело налилось тяжестью, веки стали будто свинцовыми. Неясные образы, воспоминания кружились, сменяя друг друга. Казалось, старик слышит голос жены, зовущий его. «Неужели смерть?» — успел подумать он, прежде чем забыться.

На кухне, оставленный на столе, настойчиво звонил телефон. Старик открыл глаза.

— Сколько же я провалялся? — поднимаясь, прохрипел он и, подойдя к столу, ответил. — Алло!

— Пап, я звоню, как обещал. Добрался, отпустил водителя, открываю дверь в квартиру. Ты как? Я разбудил тебя?

— Нет, — старик откашлялся. — Не разбудил. Всё нормально.

— Точно? А что с голосом?

— Просто сон приснился.

— А говоришь, не разбудил! Давай рассказывай.

— Да ну, — неуверенно произнёс старик. — Не стоит.

— Значит, так! Пока не расскажешь, я в квартиру не войду. Буду сидеть под дверью, и пусть соседи смеются... Про что сон?

Старик глубоко вздохнул, присел к столу и, пригладив волосы свободной рукой, дрогнувшим голосом произнёс.

— Про твою маму...

Он сделал паузу, собираясь с мыслями, облизнул пересохшие губы и продолжил.

— ...Понимаешь... Всё случилось слишком быстро. Она таяла на глазах. Нос заострился, руки сделались совсем детскими, из-под кожи выперли рёбра. Потрескавшиеся губы... Коричневые подглазья, — старик откашлялся. — Ведь она так и не пришла в себя, сынок. Я смотрел на неё и ничего не мог поделать.

— Пап... Ты там... Хочешь, я приеду? — голос сына осип.

— Не стоит. Спокойной ночи, — старик сбросил вызов на телефоне, зажмурился, пытаясь проглотить подступивший к горлу ком, закрыл ладонью глаза.

«Ничего теперь не исправить», — подумал он, тяжело поднялся и побрёл в комнату. Заметив, что всё ещё сжимает в руке телефон, старик хотел было сунуть его в карман, но наткнулся на таблетки, которые запихнул туда утром. На ладони он поднёс их к глазам. Как он надеялся, как мечтал — ещё один курс, и Аня пойдёт на поправку. Увы...

«Не было смысла в этих таблетках!» — старик сжал кулак и с ожесточением бросил бесполезные таблетки куда-то в угол. — А теперь нет смысла и в оставшемся!»

Он порывлся в кладовке, достал веревку и решительно связал петлю. Потом вернулся в кухню, аккуратно уложил её кольцами на стол. Огляделся, прикинув, куда бы её приспособить, и решил, что газовая труба, огибавшая под потолком кухни, подойдёт. «Не так уж много я и вешу», — заключил старик.

Прежде чем приступить к задуманному, он вымыл руки и лицо. Вдруг вспомнил про герань. Старик взял цветок, вынес его на лестничную клетку, спустился на один пролёт и аккуратно поставил на бетон. Ночь заглядывала через прямоугольные окна в прохладный подъезд. В воздухе ещё витал особый запах, который поселяется в доме только летом. В лучах фонарей, падавших на лестничные пролёты, кружилась мелкая искристая пыль.

Вдруг в кармане зазвонил мобильник.

— Алло! — старик поднёс аппарат к уху.

— Пап! Слышишь?! — раздался голос сына, Юрий не говорил — кричал: — Ленка была сегодня у доктора! Представляешь, она беременна! Слышишь?! Ты скоро будешь дедом!

Старик молчал.

— Алло! Слышишь?! Алло!

— Слава богу, дождались, — проскрипел наконец старик и, пытаясь успокоить внезапно сбившееся дыхание, твёрдо наставил: — Если девочка, чтоб Анной назвали!

— Да, конечно, пап! А если мальчик — Михаилом! — Юрий счастливо засмеялся.

— Михаилом. Это в честь кого? В честь меня, что ли?

— Ну, конечно, пап! Всё! До завтра! Пока!

В подъезде стояла звонкая тишина. Гулко бухала кровь в висках. Старик покачнулся, ухватился рукой за перила, провёл ладонью по лицу.

— «Дедом, — медленно повторил он. — Ты скоро станешь дедом».

Старик отдышался, постоял немного в нерешительности, поднял с бетонного пола герань и стал медленно и осторожно подниматься по лестнице.

□

Антон Алексеевич ШУШАРИН (псевд. Антон Шурин)

родился в 1987 году в дер. Косновская Холмогорского района
Архангельской области.

Окончил Санкт-Петербургский
государственный морской технический университет
по специальности «преподаватель социологии».

Пишет прозу.

Публиковался в журнале «Двина».

Лауреат литературной премии мэра Северодвинска
и Совета депутатов Северодвинска «Никольское устье» (2012),
обладатель Гран-при в области литературы
V Международного фестиваля «Дар-2013» (Екатеринбург).

Живет в Северодвинске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

